

библиотека научной фантастики

The background of the book cover is a sepia-toned illustration. It depicts a large, cylindrical, metallic structure, possibly a spaceship or a giant machine, lying on its side in a desolate, rocky landscape. Three soldiers in military uniforms are standing in the foreground, looking towards the structure. The overall style is reminiscent of early 20th-century pulp magazine illustrations.

Платон Гарин
Парадоксы
небесных судей

Книга первая

Юла

2026 год

Платон Гарин

**Парадоксы небесных судей.
Книга первая "Юла".**

«Автор»

2026

Гарин П.

Парадоксы небесных судей. Книга первая "Юла". / П. Гарин — «Автор», 2026

В первой части романа «Парадоксы небесных судей» мы знакомимся с полковником ГРУ Гридневым. Человек системы, привыкший к четким приказам и жестким методам, он оказывается перед сложнейшей задачей. Ему нужен не просто исполнитель, а «инструмент», способный на то, что не поддается законам физики. Его цель — пациент психиатрической больницы. Человек, чей разум считается «сломанным», но чьи способности граничат с божественным даром.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	15
-----------------------------------	----

Платон Гарин

Парадоксы небесных судей.

Книга первая "Юла".

Платон Гарин

Парадоксы Небесных Судей

Книга первая
Юла

Дорогой мой читатель!

Сегодня я тебе завидую. Белой, светлой, почти восторженной завистью.

Потому что ты впервые погрузишься в сюжет этой книги. Тебя ждут неожиданные повороты, герои, которые станут родными, и мир, который не захочется покидать. Сегодня ты начнёшь читать первую часть трилогии «Парадоксы Небесных Судей», первую Книгу, которая называется «Юла».

Здесь ты познакомишься с Тепловым, обладателем уникальной способности во сне изменять реальность. Ты узнаешь, как его способность хотел использовать полковник ГРУ Гриднев и что из этого вышло...

Наслаждайся каждой страницей. Это путешествие бывает только раз. Приятного чтения!

С теплотой,
П. Гарин

От автора

Эта встреча в поезде стала для меня чем-то бо́льшим, чем просто знакомство. Она стала вызовом. И вскоре я готов представить вам ту самую историю, которую мне доверил случайный попутчик в ту памятную поездку до Москвы.

Все, что написано в этой книге, я услышал от одного человека, с которым познакомился случайно, волею судьбы в поезде, хотя, как вы узнаете из рассказа, в этом мире ничего случайного нет. Услышанное просто поразило меня. По возвращении я незамедлительно сел за свой рабочий стол и стал воспроизводить рассказ моего попутчика. Конечно, я изменил что-то, но по его просьбе многое оставил без изменения. А начиналась эта история так...

Глубокая осень застала меня на пути в Москву. Ноябрьские выходные, которые я по традиции стремился провести в кругу семьи, уже начались. Успешно отчитавшись по итогам археологической экспедиции на Нижней Волге, я спешил домой. За окном сгустились сумерки, накрапывал мелкий дождь.

Пробежав по влажному перрону, я оказался у своего вагона, показал билет проводнице и шагнул внутрь. С трудом пробираясь сквозь толпу пассажиров и провожающих по тесному коридору, я наконец добрался до своего купе. Забросив багаж наверх, я извлек из сумки кроссворд с ручкой и комфортно устроился на нижней полке. Вскоре вагон вздрогнул, и поезд плавно тронулся на запад, унося меня в столицу.

Неожиданно дверь купе сдвинулась, и на пороге появился мужчина. На вид ему было за шестьдесят, а то и больше.

– Добрый вечер, – произнес он с мягкой улыбкой.

«Отлично, а то в одиночестве ехать было бы тоскливо», – промелькнула у меня мысль, и я поздоровался в ответ.

– Далеко направляетесь? – поинтересовался я, наблюдая, как попутчик размещает свои вещи.

– В столицу, – коротко бросил он, не оборачиваясь.

– Вот как! Значит, нам предстоит коротать дорогу вместе, – с энтузиазмом заметил я.

За окном уже царила ночь. Крупные капли дождя чертили на стекле причудливые узоры. Лишь изредка в темноте вспыхивали фары машин, замерших у шлагбаума на переезде. Вагон мерно покачивался под монотонный стук колес.

Я достал из дорожной сумки свои припасы: завернутый в пергамент нарезанный балык, свежие овощи, хлеб и металлическую фляжку с коньяком. Мой сосед заинтересованно подвинулся к столу.

– Что ж, предлагаю познакомиться, – сказал я. – Платон Гарин, – представился я, протягивая руку.

Он на мгновение замер, словно взвешивая каждое действие, а затем ответил:

– Константин Георгиевич, – и ответил крепким рукопожатием, глядя мне прямо в глаза. Я сразу ощутил исходящую от него внутреннюю силу и волю.

– Вот и славно. Тогда – за знакомство! – предложил я, наполняя стаканы.

– За знакомство, – кивнул он.

Мы выпили и закусили.

– А какова сфера вашей деятельности, Константин Георгиевич?

– Я, можно сказать, на заслуженном отдыхе. Пенсионер.

В этот момент мой взгляд упал на книгу с закладкой, которую попутчик достал из чемодана и положил на подушку. Обложка указывала на жанр научной фантастики.

– О, я тоже большой поклонник фантастики и мистики. Представляете, у меня даже есть собственный небольшой сборник рассказов. Позвольте, я вам его презентую.

Покопавшись в чемодане, я извлек последний из четырех экземпляров своей книги, которые брал с собой для коллег-археологов.

– Вот, держите. Надеюсь, вам будет интересно.

Константин Георгиевич с любопытством взял книгу и открыл ее.

– Так вы, значит, писатель?

– Ну, громко сказано, но некоторые утверждают, что талант имеется, – усмехнулся я.

– И о чем же она?

– Год назад мне довелось побывать в Африке. Мой приятель, немецкий этнограф, изучает культуру племен в Центральной Африке и пригласил меня присоединиться. Пару недель мы провели в деревне племени ирумо. Слыхали о таком?

– Признаться, нет. Чем оно знаменито?

– На первый взгляд, ничем особенным. Но там я услышал одну поразительную легенду.

А самое невероятное, что год спустя уже здесь, в России, до меня донеслись отголоски той самой африканской истории. Об этом я и написал. Долгое время я не мог уловить связь между этими двумя мирами, разделенными тысячами километров и целыми эпохами. Но чем глубже я погружался в работу над книгой, тем яснее осознавал: это не могло быть простым совпадением.

Стук колес, мерное покачивание вагона и запах крепкого коньяка – классические декорации для историй, которые меняют жизнь. Мы ехали в Москву. Мой попутчик, Константин

Георгиевич, человек с проницательным взглядом и манерами старой закалки, оказался не просто случайным соседом по купе.

Наш разговор начался с банального, но в то же время философского созерцания пейзажа за окном.

– Эх, степь да степь кругом... – вздохнул он, глядя на бесконечную желто-бурую полосу, убегаящую вдаль.

Для большинства это просто пустота, выжженная солнцем земля. Но для меня, археолога-

востоковеда, эти просторы – немой свидетель великих драм. Я не удержался и ответил:

– Это для обывателя – степь. А для того, кто знает историю, – это котлован цивилизаций. Здесь, под толщей песка, тысячелетиями рождались и исчезали народы. Здесь каждый курган – это запечатанная книга.

Константин Георгиевич понимающе кивнул. Он не был в этих местах много лет, но с теплотой вспоминал узкие улочки, неповторимый колорит небольших волжских городов, который не встретишь в безликих мегаполисах. Мы говорили о многом, пока тишину вагона не разорвал шум из коридора. Проводница, уставшая от пьяного дебошира, грозила высадкой в Баскунчаке. Этот эпизод, как ни странно, лишь подчеркнул контраст между суетой внешнего мира и той глубиной, которая открылась нам в купе.

Когда шум утих, а поезд продолжил свой путь в ночи, Константин Георгиевич вдруг изменился в лице. Он перестал быть просто приятным собеседником. В его глазах загорелся огонёк человека, который слишком долго хранил нечто важное.

– Платон, – сказал он, резко выпрямившись, –

Я, как писатель, привык к разным историям. Но то, что последовало дальше, не было похоже на выдумку. В его рассказе не было лишних слов, не было «воды». События выстраивались в такую чёткую, логическую цепь, что казалось, будто он не говорит, а читает готовый текст с невидимых страниц.

Я слушал, забыв об усталости. Я боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть нить повествования. В тот момент я понял: иногда жизнь подбрасывает нам готовые сюжеты, которые стоят десяти выдуманных романов.

Прошло время, но я до сих пор помню каждое слово того ночного разговора. История, рассказанная в поезде, до сих пор стоит у меня перед глазами, детально, до мельчайших подробностей. И теперь, когда я сажусь за рабочий стол, я знаю: пришло время сделать это тайное явным.

*Друзьям Кольке и Сашке
посвящается.*

Пролог

Старый врач, прижавшись лбом к прохладному оконному проему, нервно затягивался табачным дымом. Его глаза неотрывно следили за чёрной «Волгой», припаркованной у крыльца клиники. Вскоре из дверей больницы вышли двое: незнакомец в безупречном сером костюме и парень в больничном облачении. Как только дверцы авто захлопнулись, машина рванула с места, быстро растворяясь в сгущающихся сумерках за массивными воротами.

– Все-таки пошел на это, – едва слышно выдохнул врач, выпуская сизую струю дыма. Затянувшись в последний раз, он замер на секунду и прошептал на иврите: «Шмор алейну Элём»¹. Докурив до самого основания, старик, не чувствуя боли от обжигающего фильтра, затушил окурочок в горшке с геранью. Его сутулая фигура медленно отпрянула от окна, утопая в

¹ Храни нас Бог (перевод с иврита).

полумраке кабинета. За окном окончательно стемнело, и в вышине зажглись первые ледяные искры звёзд.

Книга первая

Первая книга повествует о том, как некий пациент психиатрической больницы с уникальными способностями был вынужден согласиться работать в военной секретной лаборатории по изучению неизвестных космических внеземных аппаратов.

«Юла»

Глава 1

Эта глава посвящена событиям, которые привели пациента в психиатрическую клинику. В разговоре с доктором Фельдманом он впервые описывает загадочный случай, произошедший с ним во сне.

– С какого момента это началось? – поинтересовался доктор Фельдман.

Пациент переспросил не сразу, словно выныривая из глубокого омута собственных мыслей. В этот миг слова врача долетали до него, как сквозь толщу воды. Мужчина, устроившись на скрипучем деревянном стуле, был полностью поглощён зрелищем: крупная, лоснящаяся муха методично исследовала поверхность мутного стекла. На вид ему было около тридцати: худощавый, с болезненной бледностью лица, тонкими губами и глубоко запавшими глазами, в которых застыла пелена равнодушия. Позже в своём дневнике Фельдман отметит: «Типичный забитый обыватель, каких тысячи. Пройдет мимо – и не обернешься, настолько сер и неприметен».

На нем была мешковатая больничная роба серого цвета, лишенная каких-либо деталей вроде пуговиц или карманов. Закатанные рукава открывали предплечья, испещренные следами интенсивного лечения. Весь его облик кричал о глубоком отчаянии человека, раздавленного жизнью.

– Вы вообще меня слышите? Молодой человек!

– Разумеется, доктор. Я весь внимание...

– Полноте! Зачем вы тогда здесь? – голос врача стал резким, требовательным. Но пациент оставался безучастен, его взгляд продолжал следовать за хаотичными перемещениями насекомого.

– Старшая медсестра передала, что вас что-то гложет. Какие-то кошмары или что-то в этом роде. Вы ведь сами настаивали на этой встрече вчера, не так ли?

– Да, всё верно, – больной на мгновение обернулся, впившись взглядом в лицо врача. В его глазах промелькнуло подобие жизни. – Я действительно делился с Валентиной Семеновной своими сновидениями. Она замечательный человек, чуткая... – мужчина вновь уставился в оконный проем и, помолчав, добавил почти неразборчиво: – Да, это я настаивал на нашей встрече.

В кабинете воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь назойливым жужжанием мухи, ползущей по стеклу. Пациент краем глаза следил, как человек в белом халате поднялся из-за стола и бесшумно направился к окну. Эта картина вызвала у больного едва заметную усмешку. Врач заговорил, едва сдерживая раздражение:

– Ну же, выкладывайте! Или вы решили просто потратить мое время? – его голос, тихий и срывающийся на шепот, был пропитан досадой. – Зря стараетесь, у меня очередь из пациентов.

– Я хотел... – начал было больной, но его прервал резкий звук: врач с силой ударил газетой по подоконнику, превратив насекомое в пятно. Пациент вздрогнул, а затем, собравшись с духом, повернулся к доктору. Глядя прямо в глаза собеседнику, он заговорил быстро, словно читая по памяти:

– Эти сны преследуют меня с раннего детства. Многое стерлось, детали забылись, но некоторые образы до сих пор стоят перед глазами, будто это было вчера. Можно мне довериться вам? Мне нужен совет, а возможно, и помощь, – голос молодого человека дрогнул.

– Наконец-то! – вспыхнул доктор, возвращаясь к столу и швыряя скомканную газету в корзину. – Еще немного, и я бы позвал санитаров. Вы же не на допросе, а у своего лечащего врача! Начинайте уже!

Он выудил из ящика блокнот и ручку, положив их поверх медицинской карты. Пациент придвинул стул поближе и наконец начал свой рассказ:

– Как я уже упоминал, доктор, эта проблема преследует меня давно. Раньше она не доставляла особых хлопот, и я просто игнорировал происходящее, стараясь не заикливаться. Но в последнее время всё кардинально изменилось... В детстве последствия этих сновидений казались мне невероятной удачей. Словно сама судьба подстраивала обстоятельства так, чтобы я всегда оставался в выигрыше. Со временем я привык к таким «подаркам» и даже начал воспринимать их как нечто само собой разумеющееся, отбросив детскую логику. Эти странные сны посещали меня редко, давая возможность забыть о них и отвыкнуть от предчувствия чего-то сверхъестественного. Позже я осознал: каждый эпизод был спровоцирован мощным эмоциональным потрясением. Требовался настоящий вулкан чувств – неважно, радостных или горьких, – чтобы запустить механизм. Обычные детские радости вроде новой игрушки не работали; нужно было нечто, затрагивающее самые глубокие струны души. Долгое время я не понимал закономерности и не мог управлять этим процессом. Первый случай произошел в раннем детстве и напугал меня до смерти. Я пытался вычеркнуть это из памяти, избегал любых рациональных объяснений, но всё повторялось снова и снова. Пока я не оказался в этом кабинете.

Юноша издал нервный смешок. Доктор, перестав записывать, поднял взгляд и поправил очки.

– Продолжайте, пожалуйста. И постарайтесь быть конкретнее.

– Разумеется, – пациент прочистил горло. – Я помню свой первый опыт. Глупость, конечно, детская наивность, но врезалось в память намертво. Класс третий, кажется. Я пришёл из школы с дневником, пестрящим двойками. Провалил четверть по трём предметам – случай беспрецедентный. Знал, что мать, работающая на двух сменах и подрабатывающая стиркой у соседа-генерала, будет в ярости. Отец тоже не отличался мягкостью: пропадал на заводе, а возвращаясь, уходил в запой и распускал руки. А я... я просто не мог учиться, если предмет не нравился. В тот день я места себе не находил от страха перед неминуемой поркой. Спрятал дневник на чердаке, забился в кровать и рыдал, пока не провалился в тяжёлый сон.

Вы не поверите, но спал я той ночью как убитый. И привиделось же мне такое: будто встаю я с постели, пребывая в каком-то приподнятом, почти эйфорическом настроении, и направляюсь к своему тайнику. Достая из-под половицы дневник, раскрываю его, а там – чудо! – вместо привычных «лебедей» красуются аккуратные пятёрки, выведенные размашистым почерком нашей учительницы Веры Николаевны.

Ничуть не удивившись такому метаморфозу, я гордо выхожу в гостиную и кладу дневник на обеденный стол – прямо по центру, чтобы каждый вошедший сразу оценил мои успехи. Сiju, изображаю из себя прилежного отличника, жду оаций. И тут в комнату входят родители... В этот момент я проснулся. Утро, мать зовёт завтракать, голос звучит бодро и громко. А я лежу ни жив ни мёртв, сердце колотится.

«Сейчас иду!» – кричу в ответ, вскакиваю и – бегом к тайнику. Нужно спрятать дневник подальше, а если спросят – скажу, что потерял, мол, и сам не знаю где. Сую руку в щель под полом, а дна не достаю. Полезу глубже – пусто. Сбегал за спичками, посветил – нет его! Сначала похолодел от страха: неужели нашли? Но потом рассудил: место было надёжное, да и отцовские «трофейные» папиросы лежат на месте. Если бы обнаружили тайник, их бы точно изъяли, а

мне бы досталось по первое число. Значит, либо провалился глубже, либо крысы утащили. От этой мысли я даже усмехнулся, вытер нос и, приведя всё в порядок, поплёлся к матери.

Захожу в комнату, бросаю взгляд на стол – и чуть не рухнул в обморок. Ноги стали ватными, ладони мгновенно вспотели. На самом видном месте, прямо как в моем сне, лежал тот самый дневник. Мать подошла, поцеловала меня в обе щеки: «Пришёл, сынок? Иди к отцу, он хочет тебя поощрить».

Я замер. Ну, думаю, сейчас «поощрит»... Выходит отец – вид помятый после недавнего запоя, лицо мрачное. Медленно вытягивает руку из-за спины. Я зажмурился, приготовившись к худшему. Слышу – смеётся. Открываю один глаз, а у него в руке... рубль! Настоящий рубль!

«Молодец, – говорит, – стахановец ты наш, передовик!» Поднял меня, расцеловал. Усадили за стол, поят чаем с конфетами, нахваливают.

А потом протягивают дневник. У меня внутри всё сжалось. Открываю дрожащими руками, а там – сплошные пятерки. Десятки штук, вдоль и поперек. Понимаете, доктор? Я стал отличником! От этого осознания мне стало совсем дурно...

В больнице я пролежал три дня. Потом начались летние каникулы, и в школе всё как-то само собой утряслось, будто так и было всегда. Все быстро забыли об этой странности. Все, кроме меня. Понимаете? Нет? Вот и я до сих пор ничего не могу понять.

Больной умолк. Его нога нервно подрагивала, а взгляд был прикован к врачу. Доктор поднялся со своего места, прошел к окну и, приоткрыв форточку, закурил. Вскоре кабинет наполнился сизым табачным дымом.

– Мне продолжать? – подал голос молодой человек.

– Нет, благодарю, на сегодня хватит, – ответил врач, выпуская прерывистые струйки дыма в сторону улицы. – Возвращайтесь в палату, примите лекарства и отдохните. Обязательно приходите завтра. Вы мне всё расскажите, а лечением и разбором полетов займемся позже.

– Как скажете, – парень поднялся и, шаркая больничными тапками, медленно поплелся к выходу. За ним закрылась дверь с табличкой: «Аркадий Михайлович Фельдман, профессор, заведующий психиатрическим отделением».

Фельдман немного посидел в задумчивости, затем придвинул к себе историю болезни.

«ФИО: ТЕПЛОВ СЕМЕН МАКСИМОВИЧ.

Пол: мужской.

Возраст: 28 лет.

Проживает: Котельнический проезд, 1/15, кв. 75.

Место работы... – графа пустовала».

Доктор обвёл её карандашом и продолжил чтение.

«Образование: высшее техническое.

Дата госпитализации: 22 мая 1968 года.

Диагноз: алкогольный психоз, галлюцинаторно-параноидный синдром.

ЖАЛОБЫ:

В ходе беседы выяснилось, что пациент винит себя в гибели супруги. Его мучают ночные видения и их последствия. При попытке затронуть эту тему больной замыкается, утверждая, что подобные разговоры опасны как для него, так и для окружающих. Настроение резко падает, лицо искажается страданием, он стремится поскорее сменить тему. При повторных расспросах о снах начал отрицать их наличие, хотя ранее признавался в обратном. Очевидно, что переживания остаются для него крайне острыми. В сидячем положении замечен тремор конечностей, вероятно, абстинентного характера; при движении дрожь проходит. При поступлении жаловался на бессонницу, тревожные состояния и гнетущее чувство вины».

Пробежав глазами ещё несколько сухих строк, доктор сделал пометку на полях и перевернул лист.

«СЕМЕЙНЫЙ АНАМНЕЗ:

О дедушке и бабушке по отцовской линии сведений нет. Дед по материнской линии отличался тяжелым, вспыльчивым нравом, скончался от паралича. Бабушка по матери была доброй женщиной, страдала диабетом, умерла давно. Мать – спокойная, бесконфликтная, отношения с ней были теплыми; скончалась два года назад после неудачного хирургического вмешательства. Отец страдал алкоголизмом, покинул семью, когда сыну было 15 лет, дальнейшая судьба неизвестна. Наследственная отягощенность по психическим заболеваниям отсутствует.

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ:

Единственный ребёнок, рождённый в срок путём кесарева сечения. Развитие соответствовало норме. В школе учился успешно, особенно преуспевал в литературе и математике, физкультура давалась сложнее. Получил высшее инженерное образование с отличием. В армии не служил из-за плоскостопия. Вступил в брак в 1963 году, детей нет. Супруга погибла в результате несчастного случая в 1967 году».

Глава 2

События данной главы разворачиваются в воздушном пространстве над бескрайними степными просторами. Здесь советские истребители МиГ-21 оказались втянуты в ожесточённое противостояние с загадочными летающими аппаратами неизвестного происхождения. Итогом этого драматичного столкновения стало падение одного из объектов где-то в степи, в то время как другой скрылся в глубинах волжской дельты.

Ранним утром 17 июня 1968 года, в 05:40, радары ПВО в окрестностях Элисты зафиксировали неопознанный объект, перемещавшийся с аномальной скоростью и постоянно менявший курс. Для перехвата цели в воздух были подняты два истребителя МиГ-21. Радиоэфир мгновенно наполнился напряженными переговорами пилотов:

- Пятый, цели не вижу, ухожу на набор высоты. Прием.
- Седьмой, докладывай обстановку. Прием.
- Земля, я на восьмистах метрах. Вижу объект под углом двадцать градусов к горизонту. Это стальной диск. Он движется очень быстро, обогнал меня и уходит вверх по курсу девяносто. Прием.
- Пятый, подтверждаешь контакт? Прием.
- Земля, цель вижу. Диск стального цвета. Седьмой идет на сближение. Прием.
- Седьмой, ответь! Прием.
- Пятый, действуй по ситуации. Прием.
- Земля, наблюдаю, седьмой пытается выйти на дистанцию атаки. Прием.
- Земля, объект резко набирает высоту, уходит в «слоечку»! Пятый, где ты? Прием.
- Седьмой, он справа от тебя. Прием.
- Пятый, цель на трёх тысячах метров. Прием.
- Земля, объект ускоряется, дистанция растёт. Прием.
- Пятый, открыть огонь на поражение! Прием.
- Земля, понял, открываю огонь. Прием.
- Седьмой, огонь! Прием.
- Седьмой, ответь, где ты? Прием.
- Земля, я на хвосте, догоняю! Прием.
- Седьмой, всуерьёз клачи!² Прием.
- Пятый, он сейчас уйдет! Прием.
- Седьмой, не дрейфь, выше неба не улетит!

² Прибавь скорость (авиасленг).

– Седьмой, ответь! Земля вызывает седьмого! Прием.

– Пятый, видишь его? Прием.

– Земля, седьмой в поле зрения. Похоже, у него проблемы с радиосвязью или приборами. Прием.

В это время на холме неподалеку старый пастух вместе с внуком наблюдали за странным воздушным боем. Реактивные самолеты с ревом прорезали облака, преследуя светящийся шар.

– Бабай³, что это? А? – испуганно спросил мальчик.

– Аттегене-ай!⁴ Учения, боташым⁵! – проворчал старик, оглядывая разбегающееся стадо.

– Всех овец перепугали, окайные!

Внезапно один из МиГов почти настиг объект, но тот издал пронзительный свист. Истребитель мгновенно замер в воздухе, двигатель заглох, и самолет камнем полетел вниз. Старик повалил внука на траву, закрывая его собой и шепча молитвы.

– Седьмой, Саша, ответь! Катапультируйся!

– Пятый, катапультируюсь!

Из беспорядочно падающего самолета вылетела черная точка, раскрылся купол парашюта. Вдали прогремел взрыв.

– Пятый, держи дистанцию, не приближайся, огонь на поражение! Прием.

– Земля, понял. Высота 1200, вижу цель, стреляю. Прием.

Яркая вспышка от ракеты устремила к диску.

– Пятый, объект снижается. Что видишь? Прием.

– Земля, вижу попадание. Объект меняет траекторию... Невероятно, он разделился! Их теперь двое! Оба уходят. Прием.

– Пятый, продолжай слежение. Прием.

– Земля, один объект падает... Да, точно, он идет к земле! Я его подбил! Второй ушел, не вижу его. Прием.

Наступила тишина, прерванная через несколько минут:

– Пятый, время 05:59. Подтверждаю падение объекта в пятидесяти километрах южнее аэродрома. Мы его засекли. Прием.

– Земля, понял, пролетаю над точкой падения. Второго не наблюдаю. Прием.

– Пятый, мы видим направление второго объекта, он ушел далеко. Возвращайся на базу. Конец связи.

Спустя час после сигнала к точке падения аномалии подошла колонна: бронетранспортёр, пара грузовиков с личным составом и штабной ГАЗ 69. Сам объект, расколовшийся на три сегмента, лежал на боку, напоминая издали разбитую трехъярусную детскую игрушку.

Офицеры ГРУ, не теряя ни секунды, выстроили оцепление. Солдаты прочёсывали периметр, а к полудню подоспела тяжёлая техника, начавшая аккуратную погрузку обломков в транспортные контейнеры для дальнейшей перевозки по железной дороге.

К эпицентру событий подъехал «козлик». Из него выбрался высокопоставленный чин и, пожав руку подбежавшему полковнику, коротко бросил:

– Докладывай.

– Порядок, товарищ генерал.

– Свидетели?

– Местные, старик с внуком. Напуганы до полусмерти. Мы им скормили легенду про учения и упавший метеорит, – отчитался полковник.

– В Центр доложили?

³ Дедушка (казах.).

⁴ Черт возьми! (казах.).

⁵ Мой верблюжонок – обращение к ребенку (казах.).

– Так точно, сразу же.
– А второй объект? Радары засекли траекторию?
– Ушел в сторону Каспия, товарищ генерал. Сигнал пропал над дельтой.
– Ясно. Отправьте спецдонесение и полётные данные на имя Гриднева Сергея Николаевича в ГРУ, он ждёт. И поторопитесь с погрузкой. Грузите всё на платформы и отправляйте в Житкур, на полигон. И без лишнего шума! А то вы тут всю округу переполошили, овец по всей степи распугали.

Глава 3

Таинственный пациент Семён Теплов рассказывает доктору Фельдману свой второй случай, когда ему приснился сон, в котором он починил мотоцикл Палыча.

– Приветствую, Семен! Доброго утра. Позвольте обращаться к вам по имени? Как ваше самочувствие, удалось ли выспаться? – врач приветливо улыбнулся.

– Вполне нормально, – буркнул парень.

– Желаете чаю или кофе? А может, хотите перекурить? – профессор что-то неразборчиво пробормотал себе под нос, устраиваясь в кресле. – Я не против, угощайтесь, сигареты лежат на столе.

– Благодарю, откажусь.

– И зря, голубчик. А вот я без табака никуда. Выкуриваю по три пачки в сутки. Понимаю, что гублю здоровье, но ничего не могу с собой поделать, – врач уселся за рабочий стол и внимательно посмотрел на пациента. – Ну что, вы сегодня располагены к беседе?

– Да, готов.

– Прекрасно, тогда продолжим, – Фельдман открыл папку. – Помните, на чем мы закончили? У меня здесь все зафиксировано. Цитирую: «Дневник пестрит пятёрками... круглый отличник... в школе все гладко». И мой вывод: вы до сих пор не осознаете истинную причину случившегося. Я прав?

– Да, вы верно подметили. Позвольте продолжить? – Семен все же передумал и потянулся к пачке.

Он прикурил, глубоко затянувшись. Ароматный дым «Marlboro» наполнил грудь. Теплов, отвыкший от курения, слегка закашлялся, но вскоре продолжил рассказ:

– В нашем дворе жил старый ветеран, которого все звали Палычем. Взрослые шептались, что он контужен и слегка не в себе. Но для нас, пацанов, он был отличным мужиком, настоящим мировым человеком. Мы его обожали. Семья его погибла в войну – жена и дети попали под бомбежку. Поэтому все свое время он проводил с нами. Так вот, у него был сарай, где он держал голубей. Мы пропадали там целыми днями, копаясь в старом хламе и помогая ему с птицами. Но главной ценностью был трофейный мотоцикл BMW R75. Настоящий боевой конь! Конечно, техника была потрепанной: краска облупилась, кое-где проступила ржавчина, фара треснула, а на коляске виднелись отметины, похожие на пулевые пробоины. Мотор давно не подавал признаков жизни, но для нас это была мечта. Предел мальчишеских грез. Иногда Палыч выкатывал свой аппарат на солнышек, и мы, как пчелы, облепляли его со всех сторон. Кто-то воображал себя водителем, кто-то – пулеметчиком, а старик сидел рядом, наблюдая за нашей возней и лишь изредка одергивая нас, чтобы мы не слишком шумели. Иногда Палыч затевал ремонт своего старого мотоцикла.

В такие моменты мы, пацаны, кучковались неподалеку и заворуженно следили за процессом. Разговаривали исключительно шепотом, боясь спугнуть его магию. Хотя, по правде говоря, мастер из него был никакой. Железный конь давно превратился в грудку безжизненного хлама, несмотря на свой внушительный вид. Финал таких «починок» всегда был предска-

зуем: Палыч напивался, осыпал всех вокруг отборной бранью, устраивал скандалы, а под утро отключался прямо в сарае.

Почему-то старик выделял меня среди остальных ребят. Бывало, подзовет, усадит рядом, закурит и, прищурив левый глаз, внимательно изучает меня, поглаживая голубя. «Сема, а ведь ты не такой, как все, – бормотал он. – Что-то в тебе есть, только не пойму – дар это или проклятие». Я не выдерживал этого пристального взгляда, вскакивал и убегал к друзьям. «Беги, щегол, беги!» – доносилось мне вслед его хриплое посмеивание.

Как-то летним вечером пятьдесят первого года мы сидели на лавке и наблюдали, как перепачканный в мазуте Палыч заканчивает очередной «ремонт». Он провозился с «трофеем» весь день. Наконец, отложив ключи и вытерев руки о засаленный комбинезон, он уселся в седло. Зажмурившись, словно перед прыжком в бездну, он изо всех сил дернул кикстартер. Тишина. Еще раз – снова пустота. Мотоцикл оставался мертв. Палыч разразился проклятиями, но железо было глухо к его мольбам. В приступе отчаяния старик со всей дури пнул бак. Тяжелый «немец» лишь качнулся, стерпев удар. Палыч обернулся к нам, и мы невольно вжались в скамейку. Он сплюнул и побрел в сторону магазина. Все было как обычно, если бы не одно «но»: в тот момент, когда он повернулся, я успел заметить его глаза – влажные, полные такой глубокой тоски и безнадежности, что стало не по себе.

Когда старик скрылся из виду, мы молча закатили «мертвеца» в сарай, заперли дверь и разошлись по домам.

Ту ночь я провел в беспокойной полудреме. Перед внутренним взором неотступно стоял Палыч, а точнее – его глаза, подернутые влагой. Я искренне сопереживал старику, пытаюсь постичь, почему жизнь порой так несправедлива к людям, и, проворочавшись до рассвета, наконец провалился в тяжелый сон.

Мне привиделось, будто я вхожу в его гараж. Палыч, перепачканный машинным маслом с ног до головы, сидел в углу и довольно улыбался. На мой вопрос о делах он бодро отозвался, что все идет своим чередом. «Опять этот драндулет отнял у меня весь день!» – рассмеялся он, добавив, что я явился как раз вовремя, чтобы стать свидетелем очередного триумфа. Я молча кивнул и присел на скамью. Палыч взобрался на мотоцикл, с чувством воскликнул: «Ну, родимый, не подведи!» – и с силой нажал на кикстартер. Магнето отозвалось резким жужжанием, а следом прогремел оглушительный выстрел. Сарай наполнили клубы едкого дыма, я от неожиданности свалился со скамейки, а перепуганные голуби в клетках подняли невообразимый шум. И тут раздался ликующий вопль Палыча: «Вышло! Получилось!» Дым начал редеть, мотор ровно заурчал, а старик радостно махал мне руками. Вскоре к сараю сбежалась вся детвора и соседи, чтобы посмотреть на наш триумфальный выезд. Эмоции переполняли меня настолько, что перехватило дыхание, и от этого резкого вдоха я проснулся.

Весь следующий день прошел в домашних хлопотах, но, как только выдалась свободная минута, я помчался к сараю. Палыч уже возился с мотоциклом, а вокруг, словно зрители на трибунах, толпились мальчишки. Старик вытер ладони о робу, оседлал железного коня и несколько раз дернул ножку. Мотор отозвался коротким рывком и тут же заглох. Наступила гнетущая тишина. Попытки повторить успех ни к чему не привели. Палыч засуетился, забегал кругами и вдруг, схватившись за голову, вскрикнул: «Черт, бензин!» Он метнулся в сарай, а через мгновение оттуда донесся его голос: «Сема, живо сюда!» Я сорвался с места. В спину мне полетели завистливые и злые выкрики ребят: «Опять этот Сема! Вечно он!» Я не обратил на них внимания. Внутри Палыч сунул мне ведро с воронкой: «Заправляй нашего немца! Я тут кран на бочке сорвал, бензин хлещет, сейчас подтяну и выйду. Это последние капли, не зевай!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.